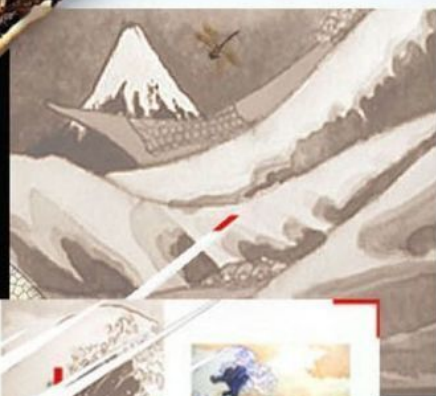

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ
ПУСТОВОЙТОВ

АКИЦУСИМА

ФАНТАСТИКА

Сергей Пустовойтов

Акицусима. Фантастика

«Издательские решения»

Пустовойтов С. И.

Акицусима. Фантастика / С. И. Пустовойтов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854788-1

«Акицусима» — рассказ-фантазия о двух девушках из разных срезов времени, судьбы которых невероятно пересеклись. О стрекозах, которые в прошлые цивилизации спасли людей островного государства Акицусима от вымирания и болезней. О том, как сны могут влиять на нашу жизнь, и еще о многом другом...

ISBN 978-5-44-854788-1

© Пустовойтов С. И.
© Издательские решения

Содержание

1 этот голос зовет во сне	6
2 из морской пучины	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Акицусима Фантастика

Сергей Иванович Пустовойтов

*С ней мир иной, порой прелестный,
С ней ярче вера в светлый край.
Душа её открыта настежь,
Как будь – то тропка в божий рай.
Нет у нее ажурных крыльев,
Чтоб отличаться от людей,
Но есть отличие большое –
Сияние ее очей!
Мечты пропитаны надеждой,
Хватает ей и благ земных.
Не назову ее земною,
Ведь дочь она миров иных.
Большое чувство только сможет,
Её сердечко растопить,
Живет она надеждой встретить,
Надеждой сильно полюбить.
Своей красою внешних линий,
В которых чудная душа,
Летит по жизни как стрекоз ка,
Спасти, помочь, всегда спеша.*

© Сергей Иванович Пустовойтов, 2024

ISBN 978-5-4485-4788-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Остров стрекоз – рассказ-фантазия о двух девушках из разных срезов времени, судьбы которых невероятно пересеклись. О стрекозах, которые в прошлые цивилизации спасли людей островного государства Акицусима от вымирания и болезней. О том, как сны могут влиять на нашу жизнь, и еще о многом другом...

При императорском дворе в эпоху **Ямато** (300—710) так ценили стрекоз, что Японию даже называли Акицусима – Остров стрекоз. Стрекоз изображали на одежде и самурайских мечах.

1 ЭТОТ ГОЛОС ЗОВЕТ ВО СНЕ

Привет, как я рад слышать твой голос! Почему ты так долго не звонила? Ты боялась, что речь пойдет не о любви, а о всякой всячине, но только не о главном?

Но ни о чем другом я не желаю говорить, так как шести лет более чем достаточно для замалчивания того великого чувства, которое живет в моем сердце. Я думаю, настала пора прекратить, в первую очередь мне, упираться тому притяжению, которое исходит от тебя, и которого я избегал, думая о своем, как выясняется, мнимом страхе, недостойности быть с тобой.

В самый первый день нашей встречи, твои глаза, твоя грациозная внешность, голос и всё – всё то, что и определяет тебя как личность, парализовало меня. Но теперь моё чувство возмужало и созрело до желания близкого общения. И, если ты, не против встречи, то мы можем встретиться!?

– Я записалась на курсы вокала и в остальные вечера посещаю лекции по практической журналистике. Почти не высыпаюсь с маленькой дочкой, я устаю и во сне. Мне постоянно снится одно и то же, только в развивающемся сюжете и я, после таких снов, вся как разбитое корыто, и реально думаю о том, что там, в моих грезах происходит и, что произойдет потом следующей ночью.

– Как долго это с тобой происходит?

– С того самого дня, когда я родила дочь. Точнее, с той первой ночи.

Когда мы переезжаем на постоянное место жительства в какой-то населенный пункт, то меньше всего думаем о его названии, о том, как может повлиять на нас и наше потомство наименование этого места. Если в названии только явно не просматривается, что-то неприятное, например: посёлок Гнилой или село Дурнушки. Говорят, что такие названия появились по указу императрицы Екатерины второй, когда посланные по ее приказу чиновники, исчерпали все запасы остроумия в наречении населенных пунктов бескрайнего государства Российского. Тогда высокая особа разрешила им шалости в наименованиях небольших селений, что бы путникам не было скучно, и они как-то взбадривались не только самогоном, но и смешными вывесками вдоль бесконечных дорог империи. Конечно, речь идет о грамотных путниках.

«Вы откуда родом будете?» – спросит вас новый знакомец, а в ответ: «Из Гнилова мы, из Дурнушек, или из Гадова». Вот москвичам везде почет, повезло им! Некоторые населенные пункты переименовывают и если кто-то жил в городе Верном и утром проснулся в Алма-Ате, это не перемещение в пространстве, просто времена верности прошли и настали времена вкушения ароматного «Апорта» – яблок, выведенных забытым уже всеми дедом из орловских переселенцев.

Потом эти же люди проснулись в Алматы, и яблок с их известным на весь мир запахом и вкусом не стало.

– Девушка, которая мне снится, она из Акицусимы, из города Нью го, которого не стало за одну ночь. Ты представляешь, это совершенно другой мир. Теперь я роюсь в интернете и ищу ответы на свои сновидения. Это же ни Гниловка, а Нью го, не Щекотан (защекоченный морскими волнами), а Акицусима. Всё незнакомое. И, что я нахожу:

*«При императорском дворе в эпоху **Ямато** (300—710) так ценили стрекоз, что Японию даже называли Акицусима – Остров стрекоз».*

– Расскажи, как всё началось?

– Мне показалось, что меня зовет кто-то, как буд – то голос девочки. Я открыла глаза и ужаснулась увиденным.

Подо мной простиралась безбрежная водная пустыня. Её пенящиеся барханы достигали десяти, а то и двадцати метров – это бушевал океан в свинцово – угрожающем окрасе.

Там был целый плавающий остров из вырванных с корнями огромных и сбившихся, связанных друг с другом этими корнями, и кронами деревьев, почему-то ещё зелёной и не облетевшей листвы, обмотанной, как толстой бечевкой морскими водорослями. На острове, образованном из деревьев, сидели рядом ни малым образом не интересуясь друг другом хищные и травоядные животные, грызуны и крокодилы, невероятное количество птиц, и над всеми ими, как густой серый туман, клубились насекомые.

Глаза наиболее крупных существ, которые мне были видны, выражали мольбу о спасении. Но голос, зовущий меня, доносился из другого места, и это была деревянная полностью закрытая, без мачт и выступов ладья около пятнадцати метров в длину. Она, так же, как и остров, окуталась водорослями, в которых копошились креветки. Через мгновение я ощутила себя сидящей внутри этой ладьи и голос девушки, ещё с большей силой и тревогой зазвучал в моей голове:

«Помоги мне, помоги!»...

Я проснулась и не находила себе места до той минуты, пока мне не принесли на первое кормление дочь. Её губы и язычок, с жадностью впившиеся в мою грудь, увели меня от печальных размышлений к новым, до той поры неведомым ощущениям материнства.

Но стоило мне уснуть, хоть ненадолго, я дивным образом возвращалась в ладью к той же самой девушке, что позвала меня на помощь, и это продолжение жизни в океане было таким же явным, как и в мире, где мы с тобой существуем.

– Что ты могла сделать? Чем могла ей помочь?

– Не знаю, видимо, она хотела всё просто рассказать, передать свою историю жизни и через века ей это удалось, отыскать такого слушателя в моем лице. Таким образом, она передает информацию о своем народе и, видимо, её душа так однажды успокоится.

– Так что за народ, что за история?

– Небольшое островное государство, Царство женщин (Нюй го), символом которого являлась стрекоза, некогда появившаяся и обитавшая на этом острове. Размах ее крыльев составлял около семидесяти сантиметров. Люди, страдавшие от москитов, мошек, комаров и других кровососущих тварей, в одночасье получили свободу и здоровье благодаря стрекозам. Остров преобразился и расцвел. Женское начало олицетворяло стрекозу, а мужское муравья. Мужчины трудились, а женщины управляли ими, выбирая из своей среды царицу и ее помощницу – младшую царицу. Только женщина могла наказывать и даже убивать неверного мужчину, так как только она была способна пополнять популяцию людей на острове. Зачатие детей предшествовали яркие, но малочисленные обряды, в зависимости от которых, как они считали, закладывался пол и характер будущего ребенка. Молодые девушки, впервые вступающие в половые отношения с мужчинами, должны были рожать мальчиков, будущих тружеников и кормильцев. Они и проходили огненный обряд, нагишом перепрыгивая через костер, разведенный на пашне, а если хотели, чтобы их сыновья были рыбаками, то подставляли это же место ветру, дующему с океана. Если желали родить слугу, то должны были потереться о ковчег царицы стрекоз. Чтобы зачать девочку, нужно было просто опуститься в теплое озеро, из которого бил гейзер. Жилой комплекс царицы представлял собой здание, доходившее до девяти этажей в высоту.

Су-пи-не (так звали эту пятнадцатилетнюю девушку) рассказала мне, что ее тетка Су-пи царствовала уже более тридцати лет на острове стрекоз. У царицы была тысяча придворных мужчин, беспрекословно обслуживающих царственную особу, младшую царицу и советниц. Остальные женщины, жившие вне дворца, кроме сыновей и мужа, могли иметь от трех до десяти мужчин слуг. Мужчины, не имевшие места слуги, жили отдельно мужской артелью, которая занималась строительством домов, кораблей, рыболовством, изготовлением орудий

труда и охоты, изготовлением тканей, бумаги, краски, цветочного масла и подчинялась старшей советнице царицы.

Женщины кроме руководства мужским населением, занимались военной подготовкой, искусствами, в которых воспевали свое царство стрекоз. Самая большая стрекоза, спасающая островитян от болезней и гибели, была забальзамирована и хранилась во дворце в серебряном ковчеге и выносилась только один раз в год на весенний праздник спасения к живущим на острове людям на обозрение и совершение обряда причастности. Питанием людям служили дары моря, яйца птиц, многочисленные фрукты и специально выращиваемые салатные травы. В ветряные зимы мужчины добывали морских коров, приплывающих к Акицусиме и покрывающих своими тушами весь южный берег острова.

Дворцовый комплекс соединялся с морем прорытым водным каналом, защищенным специальной дамбой от волн. В канале были пришвартованы все корабли, ладьи и лодки.

В ладье царицы Су-пи-не проводила большую часть своего времени. Частенько она и ночевала на судне, рассматривая и добавляя очередную, до этой поры неизвестную ей, засохшую и найденную на острове стрекозу в свою коллекцию. Она часами могла придумывать название для новой находки и потом зарисовывать и описывать ее в своем дневнике. Стрекозы были равнокрылые и разнокрылые, многие имели брюшко, как бы перетянутое булавами, и она их называла булавобрюхами, те же, что имели толстое брюхо и походили им на морских коров, окрашенных под морские водоросли, получали прозвище зеленотелок, а самые тонкие и изысканные – звались дозорщиками. Коллекция, которую мне показала Су-пи-не, состояла из ста шестидесяти видов стрекоз, которые были высушены и приколоты тоненькими палочками к облицовочным доскам внутри ладьи. Для освещения она пользовалась морскими раковинами, в которые было налито масло, из которого торчал тряпочный фитилек.

Она могла весь мой сон посвятить рассказу только о стрекозах. Например, однажды, она поведала мне, что нынешние стрекозы отличаются от самых древних тем, что уменьшились в размерах и их личинки обязательно живут в воде. Хотя раньше они откладывали яйца и в кору деревьев и в грунт. Так же, как взрослые особи, личинки ведут хищный образ жизни, подстерегая добычу в зарослях водных растений, зарываясь в ил или цепляясь за камни. Для схватывания добычи у личинок из нижней губы образовался особый орган – маска. Такое название она дала за то, что в сложенном состоянии он прикрывает нижнюю часть головы личинки, как настоящая маска. Дышат личинки кислородом, растворенным в воде. За период своего развития они проходят от семи до пятнадцати линек, а общее время развития яйца и личинки может продолжаться до пяти лет. Перед выходом взрослой стрекозы, личинка последнего возраста несколько дней не питается, потом выплывает из воды на берег и поднимается по растению, пню, камню или обрыву. У нее продольно лопаются кожа на верхней стороне груди, и из личиночной шкурки появляется взрослая стрекоза. Процесс окрыления длится около трех часов.

Я была поражена ее знаниям и наблюдательностью. Так она рассказала однажды, что стрекозы очень чувствительны к загрязнению воды и им пришлось отказаться от многих источников пресной воды на острове, там, где не жили стрекозы – своеобразные индикаторы чистоты водоемов. Личинки стрекоз охотятся на личинок кровососов в воде, а взрослые особи истребляют их в воздухе. Она просила помочь стрекозам и быть к ним более внимательными, не уничтожать их, стараться сберечь и стрекоз, и места их обитания, в противном случае, мы люди, окажемся пищей для кровососущих тварей.

– Так вот о какой помощи она просила!

– Ты, думаешь об этом? Я сразу и не поняла.

– Она предупреждает нас о возможном апокалипсисе, именно оттуда, откуда мы его не ждем.

– Как все же она оказалась в океане?

– Су-пи-не думает, что остров ушел под воду в одночасье, а она, ничего не ведая, спала в ладье и так выжила. И, возможно, не только ее остров, но и многие земли ушли под воду, так как за время своего вынужденного плавания она видела множество трупов людей, тушек птиц и животных, таких, о которых она раньше не знала. И ещё, что накануне всего этого кошмара, в вечернем небе она видела огненный дождь, который огромными красными полосами сыпал где-то далеко в море, как бы сами звезды срывались с небосвода и летели к Земле.

– Я только что нашел в Интернете кое – что! По-моему, твоя Су-пи-не жила в додинозавровые времена?

Вот послушай, я тебе зачитаю:

«Стрекозы – одни из древнейших насекомых нашей планеты: их возраст 330 миллионов лет. Появились они в начале каменноугольного периода, то есть задолго до динозавров. За время существования стрекоз динозавры успели возникнуть, как особая группа животных, стали властелинами планеты и... вымерли, до нас сохранились лишь их окаменевшие останки. Когда появились стрекозы, на Земле не было еще ни летающих ящеров-птеродактилей, ни птиц, ни летучих мышей. Стрекозы были единственными летающими хищниками, гигантскими, с размахом крыльев до 70 см. Питались они, как и сейчас, насекомыми, вот только их личинки жили, по-видимому, не в воде, а на суше»

Википедия

– Не может быть!? Я сама на плавающем острове в океане видела современных животных и никаких динозавров, ящеров и птеродактилей там не было.

– Тогда откуда у них была стрекоза с размахом крыльев до семидесяти сантиметров?

– Откуда? Откуда? Сохранилась как-то, где-то, чтобы спасти их народ от кровососов!

– Хотел я с тобой о любви поговорить, свидание назначить, а получилось все иначе. Глобальное спасение человечества.

– Девушка-то я замужняя, забыл?

– Нет. Только, что это за замужество, если он по-русски ни бум-бум, а ты по-английски со словарём? И живете в разных странах. Удивительно, как умудрились дочь родить.

– Просто. Тут словарь не понадобился!

– А нам, что бы сблизится, понадобится еще лет шесть?

– Тут, ничего определенного сказать не могу. И дочь мне растить нужно, и мама у меня старенькая одинокая, и профессии твердой у меня нет, и Су-пи-не помочь необходимо. Вся я в делах, в заботах, как видишь.

– Ладно, был рад тебя услышать. Буду нужен, звони...

2 из морской пучины

Шторм, казавшийся Су-пи-не нескончаемым, умерил свою ярость, и волны гнева потихоньку сменились рябью ворчливости. Девушка, выбравшись на палубу через единственный проем с засовом, глотнула свежего воздуха с запахом соли и морских водорослей, которые толстым слоем покрывали всю палубу. Многочисленное скопление креветок в этой зелено-фиолетовой паутине, послужило ей прекрасным подспорьем к рациону, который долгое время состоял из сушеных фруктов, хранившиеся в сундуках на ладье и запаса питьевой воды из деревянных сосудов.

«Возможно, я проболела все это время, иначе как объяснить присутствие посторонней девушки на судне, которой теперь нет? У меня были видения и притом не однократно», – подумала про себя Су-пи-не.

Во все стороны обозримого горизонта кроме воды ничего не было.

Девушка заплакала, потом утерла рукой слезы и на какое – то мгновение ей показалось, что почти у самого горизонта мелькнула темная точка. «Может – быть показалось, а может – быть это корабль, ведь корабли могли уцелеть, они должны уцелеть», – подумала она.

Вереницей тянулись дни и ночи. Пищи хватало, и порой Су-пи-не казалось, что креветки плодятся и растут прямо на палубе, или ночью кто-то не видимый подсыпает их в мокрые водоросли.

Когда стали иссякать запасы питьевой воды, девушка приспособила плотную ткань и пустые деревянные сосуды для сбора дождевой воды. Сильного шторма больше не случилось, но и солнца не было видно, а свинцовое небо приводило ее в состояние уныния. В такие минуты племянница царицы с островного государства стрекоз, в одночасье ставшего утопией, доставала из трюма свой дневник и любовалась на зарисовки стрекоз, или записывала свои мысли, сны и воспоминания, а так же отмечала дни своего скитания, которые нескончаемо тянулись, как будто время специально кто —то растягивал.

В какие-то дни она перечитывала дневник и ничего, кроме палочки прошедшего дня туда не добавляла.

Она хорошо, с самых ранних лет помнила праздник спасения, когда девушки выбирали себе парней из артели или из числа слуг своей матери и очень редко из числа слуг и детей царицы или ее приближенных особ. Девушки Акицусимы прекрасно разбирались не только в искусствах и военном деле, они владели тайнами растительного мира и знали, как «присушить» к себе парня навсегда. Именно присушить, так как для понятия любви и преданности использовалось это слово.

Су-пи-не ни разу в жизни не применяла этого метода, но хорошо о нем знала от старших подружек, которые как в страшную тайну, еще в десятилетнем возрасте посвятили её в следующее:

«Из-под ноги, из-под самой пятки нужно вырвать клочок травы (какой безразлично) и положить ее на потолочную балку при входе в свое жилище, приговаривая при этом заклинание:

– И как трава эта будет сохнуть во веки веков, так чтобы и он, раб матери стрекозы, по мне, рабе матери стрекозы, сохнул душой и телом и тридцатью суставами. Чтобы мне, девице, быть для него милее светлого месяца, красного солнышка, роднее матери, дороже жизни. Спать бы ему, не заспать, есть ему не заесть, пить бы ему, не запить, гулять бы, не загулять без меня, красивой девицы. И как рыба без воды бьется-мечется, так, чтобы и он, раб матери спасительницы стрекозы, без меня бился-метался».

Подругам это помогало, когда дело шло о парнях из артели или из числа слуг матери, в отношении слуг царицы, действовало другое, видимо, секретное заклинание.

Дочитав этот отрывок из своего дневника, Су-пи-не подняла глаза и обомлела, перед ней была гряда скал погруженных в морскую пучину, и выступающих из нее почти на половину каменными откосами, на макушках которых виднелись белые шапки. Она подумала, что если бы сейчас был шторм, то она неминуемо разбилась бы об эти скалы и погибла, но даже простой удар мог бы сильно повредить ладью, и она как замороженная сидела на палубе и ждала, что будет дальше. А течение несло ее вдоль этой гряды, не приближая, а даже отдаляя, так как вода начинала убывать прямо на глазах, на какой то миг сквозь тучи пробился луч солнца, судно днищем уперлось во что-то твердое и это были высокие деревья между которыми оно и застряло, даже не накренившись. Под деревьями была густая трава, превратившаяся от соленой воды в желтую слизистую массу. Море отступало, открывая взору Су-пи-не предгорья, на которых сохранились, радуя взгляд девушки, зеленые хвойные леса. Деревья потеряли былой ровный строй, но удержались крепкими корнями в каменистой почве и были готовы бороться дальше за свое выживание.

На одном из деревьев висел огромный осьминог, попавший навсегда в хвойную ловушку. Кое-где видны были медузы и морские звезды, отставшие от родной стихии, где им были не страшны никакие хищники, не страшна была и потеря луча, так как на месте его, вырастал другой, а оторванный тоже не погибал, а образовывал новую звезду. Главной опасностью для морских звезд были отливы, и эта опасность настала.

Су-пи-не больше не делала отметок о количестве прошедших дней, так как в дневнике оставалось всего пять листов, которые она берегла для самых важных записей. Огонь и горячая пища на данном этапе жизни для нее были важнее всего. Однажды утром она услышала крик морских птиц, и это порадовало ее, но постепенно, непонятно откуда, вернулись и лесные птицы и лес ожил. Появились и насекомые все больше и больше доставляющие девушке неудобства. Таяние белых снежных шапок в горах, частые дожди и родники оживили реки, и вода в озерах стала пресной. На девятый день отлива вышло солнце, и тут же его закрыл липкий туман с запахом разлагающейся зелени и погибших морских обитателей. Только, когда воздух и земля просохли, Су-пи-не решилась спуститься на землю, сбросив с ладьи один конец веревочной лестницы. Сушеный осьминог довольно долгое время был ее основной пищей, пока однажды ночью сильная молния не запалила дерево, на котором он висел. К счастью, пламя не распространилось дальше, но позволило девушке занять огонь, для поддержания которого приходилось все время трудиться, собирая сучья и ветки. Как в эти часы она желала, чтобы с ней вместе выжили мужчины ее слуги, но этого не случилось.

В небольших поймах и озерцах с морской водой была живая рыба, поймав которую, девушка жарила на костре. Су-пи-не теперь спала мало и ничего не записывала в дневник, девушка жила в землянке, а вернее в берлоге, перекрытой сверху ветками хвойных деревьев, которая не защищала ее от сильного дождя. В дождливые дни она перебиралась в ладью. Огонь девушка научилась сохранять и добывать, что позволяло ей все дальше и дальше отходить от места стоянки. У нее уже были протоптаны свои дорожки, по которым она ходила за водой к роднику, на рыбалку к озеру и на горную речку, за яйцами птиц гнездящихся в скалах и за орешками от хвойных деревьев. Была еще одна тропа по направлению к вершине белой горы, которую она с каждым разом удлиняла, вырубая мечем, взятым с ладьи, ветви деревьев и кустарник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.